

Услышав, что это о Цуй Мин-дэ, отец хмыкнул, отложил доклад и с усмешкой спросил:

— Невероятно, внучка Цуй Цзяо склонилась перед принцессой! Сыцзы, что ты ей пообещала, что сумела покорить клан Цуй из Цинхэ?

Мой способ был не слишком благородным, и я смутилась, не желая раскрывать его. Но отец, заметив это, настоял:

— Скажи, и я рассмотрю твой доклад. Не скажешь — не одобрю.

Я неохотно призналась:

— Ничего я не обещала. Просто сказала, что если она не напишет за меня, то я запрещаю доставлять ей еду и одежду, пусть уж тогда постится и в святые ударяется.

Отец на мгновение замер, а затем рассмеялся так громко, что я растерялась. Не понимая причины, я лишь посмотрела на матушку. Та с улыбкой взяла доклад и стала медленно читать.

Нахохотавшись, отец обратился к матушке:

— Цинян, ты была права. Даже самые знатные семьи нуждаются в хлебе насущном. Раньше я слишком много об этом думал.

Матушка ответила:

— Саньлан — государь, он печётся о пути добродетельного правителя. Как ему прийти к таким мыслям? А я, женщина, размышляю лишь о пропитании да одежде, других способов у меня нет.

Улыбка на лице отца мгновенно исчезла, он нахмурился:

— Это было давно. Зачем ты вспоминаешь об этом сейчас?

— Я не вспоминаю, — ответила матушка. — Просто это до сих пор ранит меня.

Отец быстро взглянул на меня. Я, опустив голову, сделала вид, что ничего не слышу. Он тихо потянул матушку за рукав и шепнул:

— Разве я не последовал твоему совету и не даровал ему «Сяоцзин»?

Матушка промолчала, а затем спросила:

— Сыцзы, почему ты решила жить вне дворца? Разве тебе не хорошо здесь, с нами?

Я надула губы:

— Не то чтобы не хотелось, но если я останусь здесь, то не смогу иметь своих чиновников и устанавливать для них ранги.

Матушка и отец переглянулись.

— Ты так спешишь обзавестись свитой? — спросил отец. — Разве тебе плохо служат? Если так, я велю Дворцовому управлению заменить людей.

Я вышла из объятий матушки, встала на колени и сказала:

— Даже если их заменят, это будут люди, выбранные двумя управлениями. Кто к кому обращался, кто за кого хлопотал — мне неизвестно. Они попали сюда не благодаря мне, а благодаря Дворцовому управлению и Департаменту Нэйши, да ещё и старшим слугам в моих покоях. Власть над людьми не в моих руках, и мои слова для них — пустой звук. Эти слуги не имеют опыта, дворцовая иерархия строга, а сведения доходят с трудом. Я не могу всех проверить и вынуждена позволять им обманывать меня и притеснять других. Если же я выведу из дворца и основá свою резиденцию, всё изменится. Обычно большую часть чиновников принцесса выбирает сама, награды и наказания зависят от неё, и служат они с истинной преданностью.

Отец рассмеялся:

— Выходит, ты всё это время жаловалась на Сун Фою и Ван Сюя? Хотя они были назначены мной и твоей матушкой, они всё же твои слуги. Если плохо исполняют обязанности, накажи или казни. Зачем такие сложности? Этот доклад не одобряю. Гао Чанлин, передай указ: отныне выбор и увольнение слуг в чертоге Пэнлай решает принцесса Чанлэ самостоятельно, без доклада нам с императрицей. Ван Сюй и Сун Фою не угодили принцессе, лишаются своих должностей и будут работать под надзором, дабы искупить вину.

Хотя мне и не удалось избавиться от Ван Сюя и Сун Фою, я сумела поставить их на место. Результат был сносным, хоть и не идеальным — я так и не получила права набирать людей извне.

Я сжала губы, вспомнив, что отец с матушкой говорили о Ли Шэне, и решила поскорее уйти. Поклонившись в знак благодарности, я уже собиралась удалиться, но матушка остановила меня:

— Сыцзы слишком слаба. Я думаю, нужно выбрать несколько девушек, чтобы они играли с ней в конное поло и катались верхом. Что скажешь, Саньлан?

Сердце моё заколотилось. Я украдкой взглянула на отца. Он улыбнулся:

— Ты, как всегда, внимательна. Пусть будет так.

Матушка, глядя на меня с загадочной улыбкой, медленно добавила:

— Та девушка из семьи Вэй, хоть и была грубовата, играла неплохо. Может, снова пригласим её во дворец?

Прибытие Вэй Хуань во дворец не было столь торжественным, как в прошлый раз, когда её выбирали в компаньонки. После слов матушки и одобрения отца указ был передан, и в тот же день Вэй Хуань въехала во дворец на муле, взятом из дворцовой конюшни, с ящиком личных вещей — через ворота, предназначенные для доставки угля.

Я узнала об этом, потому что, выйдя из чертога Цзычэнь, сразу направилась к воротам Цзяньфу. Ждала-ждала — её нет. Послав слуг узнать, в чём дело, я поняла, что она вошла через другие ворота. Гнев вспыхнул у меня в груди, и я едва сдержалась, чтобы не побежать и не наказать тех, кто её сопровождал. Увы, ворота Цзяньфу были слишком близко к Восточному дворцу, и, не успев вернуться, я столкнулась с Ли Шэном, вышедшим оттуда неизвестно когда.

Пришлось сдержать гнев и низко поклониться своему дорогому брату-наследнику.

Ли Шэн выглядел измождённым и, казалось, был погружён в тяжёлые думы. Даже улыбаясь, он хмурился:

— Сыцзы, зачем ты вышла? Не простудись.

Его слуги тут же подали мне плащ, но я оттолкнула их:

— Сейчас жарко и сухо, мне это не нужно.

Ли Шэн с грустью посмотрел на небо. Сентябрьский вечерний воздух был по-прежнему зноен. Год выдался засушливым, урожай в окрестностях Чанъяня погиб. Обычно при первых признаках бедствия мы уже отправлялись в округ Ло, но в этом году, готовясь к свадьбе Ли Шэна, родители остались здесь, отправив его одного в Ло, а затем снова вызвав обратно.

Говорят, потомки будут восхищаться великим процветанием династии Тан, считая, что народ жил в изобилии, казна была полна, страна наслаждалась миром, а все народы покорились. Но за двенадцать лет, что я здесь провела, я поняла: это процветание было достигнуто через множество трудностей. Не говоря уж о том, что старые аристократические семьи сплелись в сложные сети, контролируя политику, или что в эпоху Гао-цзу и Тай-цзуна сыновья боролись друг с другом, создавая фракции и сея хаос, или что Туфань и Тюдзюэ регулярно совершали набеги на приграничные области, грабя людей и запасы. Даже если взглянуть лишь на то, что Западная столица часто страдает от засухи, а Восточная — от наводнений, становится ясно, насколько трудны нынешние государственные дела.

Ли Шэн с прошлого года начал участвовать в управлении, и за этот короткий срок на его висках появилось несколько седых волос. Когда он хмурился, то выглядел на все тридцать. Посмотрев на небо, он забыл о разговоре со мной и, повернувшись к слугам, спросил:

— Есть ли решение по размещению столичных жителей на зиму?

Человек в зелёном чиновничьем одеянии, с усами, явно не евнух, ответил:

— Шэнжэнь приказал Вашему Высочеству сосредоточиться на учёбе, поэтому я велел не беспокоить чиновников в Зале государственных дел.

Ли Шэн нахмурился ещё сильнее, вздохнул и, вспомнив обо мне, улыбнулся:

— Слышал, Сыцзы хочет научиться играть в конное поло? У меня есть небесный конь, хочешь?

Небесный конь — большая лошадь, подаренная с Запада, высокая и статная, с длинными ногами. Отец называл её «небесным конём», считая даром небес. Такие лошади были редки, каждый год в столицу привозили лишь одну-две, и вся знать мечтала их заполучить.

Ли Шэн был моим старшим братом, и за двенадцать лет, кроме истории с династическим браком, он никогда меня не подводил. Видя его печальное лицо, я почувствовала жалость и хотела его утешить, но, заметив длинную процессию слуг, подавила это желание и покачала головой:

— Не хочу.

Ли Шэн удивился, даже брови его разгладились:

— Раньше ты никогда не отказывалась от хороших вещей, пока не получала их. Что случилось?

Возможно, он подумал, что я всё ещё злюсь, и лицо его снова изменилось. Он опустил голову и тихо произнёс:

— Сыцзы...

Я, желая его вразумить, намеренно заложила руки за спину, подняла голову и прошлась, привлекая внимание, а затем сказала:

— Небесный конь хорош, но он слишком быстрый и чуткий. Для меня не подходит.

Ли Шэн удивился:

— Обычно, когда смотрят на лошадь, хвалят её за скорость и ловкость. Ты — принцесса, тебе положено ездить на хорошей лошади. Почему ты говоришь, что она не подходит?

<http://bllate.org/book/16278/1465986>